

АРХАИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И НОВАЯ ЭСТЕТИКА (вместо эпилога)

«Кто мы?! Куда мы идем?!» Сакраментальные вопросы, магические заклинания — на годы, на века, на всю жизнь... И нет ответа, хоть и ищем его. Да и не вопросы это — восклицания в пустыне безвестности. Крик испуганной души, крик надежды...

То, что мы в начале третьего тысячелетия переживаем особо значимое, переломное или даже фатальное, очевидно почти всем. Но каково оно, вольны ли мы и в определении своего рока и надо ли вообще что-либо делать... И снова — то ли вопросы, то ли утверждения, то ли крик души...

Если мы хотим в чем-то разобраться, то прежде всего надо отрешиться от привычного. Надо понять, что мы — всего лишь песчинки в океане вечности, не «цари» и не «повелители» мира. Надо осознать, что конечны не только мы сами, все и каждый в отдельности. Конечен и «мир» наш, в данной его форме и привычности. И если мы дорожим им, надо лелеять его и беречь, беречь и лелеять, ибо неизвестно, что дальше, и будет ли это «потом» для нас и для потомков наших. И не где-то в космосе и в неведомых нам ощущениях, а в дорогой и близкой земной действительности. Именно ее только и любим мы и в ней только и мыслим себя, и только в ней мы являемся сами собой.

Эти соображения естественно возникают, когда в единую зыбкую связь ставишь вынесенные в заглавие явления: «архаическое сознание» и «новая эстетика».

Что такое «архаическое сознание»? Мы представляем себе это как видение «мира человека в природе» на том раннем этапе человеческой истории, когда, собственно, и истории не было: люди парили в океане времени, в потоке природы, меняясь только вместе с ней, согласно с ней, но не вопреки ей, не по своему разумению. Человек/люди согласовывали себя с природой всегда и во всем, и в этом единстве, гармонии и видели для себя единственную возможность существования. Нельзя было хитрить по отношению к природе, что-то ухватить, урвать для себя, ибо партнерское равновесие столь хрупко и неулови-

мо незащищено, что, как с бабочкой Р. Брэдбери, платой будет катастрофа — местная, глобальная, вселенская... Потом стали внедряться маленькие и большие «хитрости» в манипулирование с природой: от убийства слонов к строительству паровозов, повороту рек и созданию СООИ — «для» или «против» «космических войн».

Так что же такое «архаическое сознание»? Было ли оно? Да, наверное, это очередной миф мнящего себя обреченным разумом, ищущего пусть выдуманный, но все же выход из видимого из поколения в поколение тупика. Может, это игра такая в «конец света»?! То ли Бога с людьми, то ли людей с самими собой, то ли это вечная загадка природы и борьба за существование? Какой-то замкнутый круг, бегание за механическим «зайцем», которого, возможно, сами для себя и придумали. Бегать, чтобы жить! Или жить, чтобы бегать?!.. «Архаическое сознание» в современном течении мысли, почтительно именуемом у нас «Наукой», сродни библейским представлениям о «золотом веке» или мифу о «добром дикаре» эпохи Просвещения.

С тех пор как мы оторвались от царства природы, противопоставили себя ей с этими своими паровозами, телеграфами, компьютерами, противозачаточными пилюлями и «боди билдингом», идущим до геной и социальной инженерии, мы и вообразили себя активной, распорядительной силой, организующей и обустроивающей Землю и прилегающее к ней пространство. Да и Бога придумали, возможно, поняв или почувствовав и прочувствовав, что все не так просто, что торопиться лучше медленно. И Бог, как пуповина, продолжал связывать людей с природой в самой жизни и в умах их.

И все равно, несмотря на все возможные тормоза и первородные узы, дрейф материков природы и человека волею ли людей, обстоятельств или Бога идет в разные стороны. И, похоже, уже не остановить его... Если не задуматься, если не сказать себе, всем сразу: «Стоп! Дальше — конец! Финиш! Дошли!».

Но кто это лучше знает: ученые?! Они в силу особенностей видения мира, блуждая по коридорам накопленного опыта, постоянно следуют за каким-то лучом, то ли прямым, то ли отраженным, идущим сквозь раскрытое в мир окно или преломленным зеркалами, люстрами, стеклянными безделушками. И всегда за любым поворотом в этих коридорах им видится свет, сколь ни бесконечными были бы эти повороты... Как в лабиринте. Так и мы блуждаем — то ли за солнечным лучом, то ли за солнечным зайчиком, то ли за механическим зайцем. Освещаем себе путь свечой. А свеча эта застит порой истинный свет. Как распознать? И не ее ли отражение с жадностью ловим?!

Искореженные здания, мосты, деревья
Скорбно торчали на теле покатом Земли
Вечным укором восставшей Природы.
Да разве так можно!

Увы, при всем престиже и пиетете наука к концу XX в., похоже, не в состоянии осмыслить и осознать, куда мы пришли и что же наконец делать? Без всякой глобальной ядерной катастрофы — единственного и к тому же рукотворного всеобщего ужаса последних лет — планета превращается в дымящееся, вздыбленное пепелище, столь же рукотворное при всей своей похожести на разгул стихии, сколь и творимый руками разгул внечеловеческих сил. Известный образ «ученика чародея».

Да, мы еще дети перед лицом вечности. Со всей возможной серьезностью мы изображаем взрослых: кого-то наказываем, кого-то одариваем конфеткой, строим домики из песочка, рассуждаем о том, что — «хорошо», а что — «плохо», кичимся своими компьютерами, микропроцессорами и взрывающей куриные яйца микроволновой печью. А в это время над нами разверзаются озоновые дыры, среди нас и в нас вспыхивают и бушуют СПИД и холестерин и мало ли какая еще истинная или выдуманная конкурирующими фармацевтическими гигантами гадость. А мы твердо верим в то, что «наш путь — верен!»

Но кто-то все же понимает или хотя бы чувствует: что-то не так! Впрочем, как говорят теперь, «это висит в воздухе».

Какая великая беда, что в нашей культурной традиции — именно в той, которую теперь принято называть «цивилизованным миром» — разошлись и, похоже, безнадежно два основных направления, две формы ее реализации как отражения, осмысления и преобразования действительности: наука и искусство, рациональное и иррациональное, рассудочное и эмоциональное. (Или это все та же реальность мысли, лишь внутренняя антитеза нашего привычного к схематизму координатной системы мировидения: «хорошо — плохо», «белое — черное», «плюс — минус»...)

В какой-то мере иррациональное все же входит в науку. Тот же 3. Фрейд с его концепцией психической деятельности и психоанализом. Но как этот иррационализм рационален? Как структурированы и загнаны в прокрустово ложе логики его исходные постулаты? Может, лишь философия в своих средь многих течений хранит еще потенциал иррациональности, но иррациональности особого рода — скорее, вторичной, опосредованной: иррациональности субъектно-

объектной дезинтеграции общества и природы. Это та иррациональность, когда субъект — индивид, а объект — общество. И она вполне рациональна для современного/цивилизованного общества. Но она же абсолютно аномальна и в этом смысле иррациональна для общества архаического, где индивид по сути фикция.

Именно это, видимо, имманентно архаическому сознанию: человек/индивид вторичен, самоценно же общество/социум, интегральной частью которого он является. Само же общество — интегральная часть природы, находящаяся в состоянии относительного равновесия с природой, зависящая от природы, но формирующая постепенно договорно-партнерские отношения, пока не начинается «трюкачество», сначала прикрытое самообманом видимого партнерства, затем самооправданием, а потом и откровенным «обманом» бывшего партнера — природы — при помощи разнообразных уловок — техник и технологий, связанных с магией. Но об этом речь уже шла...

Архаическое сознание — это живой нерв, связующий человека/людей с природой, с реальностью. Это интуитивистское, преимущественно образное видение мира с его мгновенно устанавливаемыми связями, ассоциативными цепями, подсказывающими истоки и характер взаимообусловленности событий, явлений, образов. Архаическое сознание — это когерентная пульсация ритмов природы и ритмов общества в ее осмыслении и рационаровании людьми, ревниво следящими за непротиворечивостью, непрерывностью, согласованностью, унисоном этих ритмов.

Было ли оно или мы хотим его таким видеть сквозь наши сегодняшние беды — это другой вопрос. Но наука наших дней как выразитель наших интересов — интересов людей — и связующая через осмысленный опыт людей/общество с действительностью/природой дискредитировала себя предшествовавшей эпохой реализации научно-технической революции: побеждая природу, мы еще больше отделились от нее, не уменьшили свою зависимость от нее, дезинтегрировали общество на атомы-песчинки отдельных людей/индивидов. Естественная связь через себя, через природу стала опосредованной через вещи, механизмы, деньги, через информационные системы, окружающие людей новыми и далекими от гуманности мифами. Цели формулирования и внедрения их направлены на поддержание «общества потребления» — «цивилизованного общества» — чуждого и враждебного природе, столь ценимой некогда «естественности». Война до победного... или вся жизнь в борьбе (как учили)!..

Кто ныне вольно или невольно более всех чувствует и передает этот пульс времени, это его внутреннее, возможно, фатальное противоречие? Кто, если не наука, внедряет его в сознание людей? Только искусство (изобразительное, музыкальное, литература и т.д.) — сфера не столько рационального, сколько художественного мышления, эмоционально-образного восприятия мира. Это роднит ее с формальными основами парадигмы «архаического сознания». Она ближе к самому миру, она и есть непосредственный контактер и проводник информационных импульсов, идущих от самой реальности в процессе взаимодействия с людьми. Она — сфера художественного — и есть прямой продукт этого взаимодействия через переживание и сопереживание, через определенную систему художественной перекодировки действительности. Система эта выработана веками и поколениями и отчасти тоже сродни науке как унаследованный опыт мировидения. Она тоже сопряжена с выработавшимися штампами и ценностными ориентирами. Она также слепок, изображение общества своего времени, его вкусов, желаний, проблем. Имя этой системе — эстетика. Впрочем, это известно и в общем виде, и в основных деталях. Для нас важнее сейчас прогностический аспект эстетики наших дней, открывающий неизведанное будущее, спроецированное из настоящего. Это новая эстетика, эстетика живая, чувствующая, творящая и возможная только потому, что созвучна времени.

В условиях кризиса и относительной, пусть сиюминутной и ситуативной дискредитации науки сфера новой эстетики может служить непреложным ориентиром в движении к будущему, опережающим и, возможно, более правдивым, чем и наука, и политика. Последняя идет вслепую, делая «реальностью возможное», тычась в «стены» коридора истории и просачиваясь в ее «проходы». Эстетика целостнее, ибо чувствует мир, отражает его, пусть и интуитивистски, но целиком, не требуя практического подтверждения истинности картины действительности и будущего. Она ценна в своих реализациях даже в случае ошибки. А «ошибки» при этом навсегда остаются историей как ее нереализовавшаяся возможность, вероятность.

Как материализуются всеобщие ожидания, какие вероятности будущего открывает эстетика наших дней с ее господством массовых и почти тотальных канонов и стереотипов, с повальной коммерциализацией всех сфер искусства. В этой новой эстетике прежде всего можно усмотреть достаточно широкий диапазон как интересов, так и выразительных средств (становящихся сами по себе сферой самодостаточных интересов). Но при всем возможном разнообразии поворотов

сферы «красивого/прекрасного», «эмоционально стимулирующего», во всех возможных областях их воплощения (звук, зрительном образе, тексте) и восприятия (слухом, осязанием, обонянием, зрением, вкусом и прочим, да-да, именно «прочим», ибо новая эстетика безгранично вторгается во все возможные и невозможные каналы проникновения во внутреннее пространство человека) есть одна общая доминанта, единственный знаменатель, знак всего эстетически сущего. Это шок, порог, перелом, «начало и конец»/«конец и начало». «Плохо» ли, «хорошо» ли, принимая или отторгая реальное — видимое, ощущаемое, осмысляемое, новая эстетика подводит к проблеме кардинального выбора, смены основных парадигм существования, некоему вселенскому и индивидуальному преобразению, переходу в другую реальность, другое измерение.

При этом новая эстетика допускает и прямое конструирование этого неизведанного, и «разборки», расчеты с прошлым в его составляющих. В рамках этой эстетической системы прошлое предстает как распадающаяся целостность, как разрушенный и пребывающий в осколках мир, любимый ли, ненавистный — неважно.

С позиции целостного мировидения (особенно непосредственно предшествовавшей эстетической системы), новое эклектично, нигилистично, самоограниченно и самодостаточно. Своего рода эгоцентризм и солипсизм, сочетающий элементы нарциссизма и садомазохизма. На этапе становления ее вполне можно назвать «эстетикой обиженного детства». Это сквозит и в эмоциональном отношении к «наследию», и в объеме владения им, и в силовом, импульсивном стремлении к радикальному разрыву — через отрицание, игнорирование, пренебрежение. Все это весьма похоже на поведенческий бунт подростков.

Но особую общественную значимость новой эстетике придает именно массовое ее звучание, повальное вовлечение в нее и творцов, и зрителей/потребителей. Крах былого осознается пусть через эмоциональную тягу к другому. Ностальгия как эстетическая сила если и возникает, то не к недавнему, а к давно забытому. Идет активный процесс нового мифотворчества, созидания новой эстетической мировоззренческой целостности мира и бытия.

Итак, от эстетики равновесия, размеренности, согласованности к эстетике краха, дисбаланса, бреда, угара — едва ли не краху собственно эстетики. А на смену уже грядет (или возникает параллельно) моделирование, конструирование, созидание самого будущего в осязаемых его формах (звуковых, словесных, зрительных). Здесь «цар-

ство грез» и «царство атомов», т.е. «поиски вновь обретенного рая» и попытки аналитическим и эмпирическим путем установить «первоосновы эстетики» и затем синтезировать их до завершения этой новой эстетической целостности в единстве с передаваемым ее средствами миром.

Увы, это все уже в той или иной степени повторялось многократно. Лишь то, что происходит у нас в Отечестве нашем, происходило в весьма схожих формах и на вполне близком, а главное, созвучном языке всего каких-то три-четыре поколения назад. Именно тогда политика и наука «открывали светлые дали», а сфера эстетики говорила об опасном тупике и безысходности российского общества начала XX в. Теперь его исход завершился и реальностью стал век двадцать первый...

Тогда же применялся и метод конструирования через атомарную/генную инженерию эстетики. Здесь — тот же «Бубновый валет», конструктивизм и супрематизм. Здесь — Хлебников и Маяковский, Прокофьев и Шостакович, Мельников и Малевич. Здесь — убежденное и самозабвенное продолжение активного созидания искусственного мира — мира второй, рукотворной, природы. Это все есть и теперь. Но теперь в нем присутствует оттенок ностальгии по «чистой идее», трансцендентной духовности и определенное эпигонство, где — незамеченное, где — сокрытое большими техническими возможностями нынешних дизайнеров будущего.

В этом отношении примечательна «эстетика сладких грез», то «ностальгических» из собственного романтизированного, идеализируемого прошлого, то «экзотических», т.е. заимствованных прямым переносом чуждых образов/знаковых систем с большим или меньшим проникновением в их содержательные и мотивационные аспекты. Именно второй вариант в свое время приняли П. Пикассо и другие кубисты, обратившись для решения вполне европейской эстетической проблемы к выразительным средствам/образным системам Черной Африки.

Новая эстетика еще довольно далека от конструктивного — в том числе и более глубокого, содержательного — поворота к «экзотическому» варианту «эстетики сладких грез». Хотя для этого есть немало и существенных, глубинных и чисто формальных предпосылок. И именно здесь то, что мы рассматриваем как «архаическое сознание», могло бы дать позитивный импульс как близкое интуитивно устанавливаемой ценностной системе и практической парадигме желаемого будущего.

Пока же в наибольшей мере реализуется «эстетика краха» в ее варианте «эстетики угара, бреда», который в чем-то созвучен «эстетике

грез», но отнюдь не «сладких», а скорее «постинтоксикационного синдрома», так объемно и тонко описанного Ж. Кокто на индивидуальном уровне «цивилизованного европейца», но так brutally выходящегося в «советском роке» и связанных с ним формах массовой и околоэлитарной культуры.

Пока в новой эстетике и ее средствами идет активный процесс оголения подсознания, разрушения целостной системы «сознание — подсознание — поведение». Оголенность личности, истечение кровью, исход энергетического потенциала индивида и всего общества — вот, что еще всего более волнует эстетику сего дня. Пророчество «краха», «гибели» напрямую либо через уход в наркотизированную нирвану — таково интуитивное, интуиционное предупреждение искусством через моделирование этой прогнозируемой реальности. Но оно же и создание этой реальности одновременно, пусть в сознании, пусть в эмоциональном восприятии мира. И эта «эстетика краха» вполне может воплотиться в действия по реализации самого краха. Зыбкий баланс добра и зла... Храни нас Бог!

Есть, конечно, лукавый повод предположить, что все не так уж мрачно, что человечество тысячелетиями постоянно внушает себе перспективу краха, назначая или предсказывая его с большей или меньшей близостью. Но пока живо! И ядерная катастрофа если и не снята, то отодвинута. Может, мы только подстегиваем себя страхом всеобщей гибели, чтобы не столько выжить, сколько рвануться еще и еще раз на данной нам тропе истории?!

Может, и «деревенщики» наши, и «славянофилы», «почвенники», а с ними и цивилизованные западные «зеленые» — кондовые ретрограды?! Но «тупик» науки и эмоциональный образный настрой эстетики говорят о том, что у нас неладно что-то весьма существенное — что-то, решаемое пока только парадигмой «архаического сознания»: единством человека/людей и природы. А это значит непреложный отход от «общества потребления». А как не хочется, как трудно это делать, да еще и не придя к нему...

Тем временем пропасть все ж зияет и расширяется...

И все же если вспомнить, что «красота спасет мир», то при всей бесконечной множественности взглядов на «красоту» мир спасет гармонизация, идеи всесвязанности и всецелостности бытия, практическое следование им, возврат непреложности принципов равновесия, принципов самой природы, данных нам в осмысленном опыте Архаики. У нее есть чему учиться!